

Федеральное агентство по образованию
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

ПРОШЛОЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

*Материалы научной конференции
17-18 ноября 2011 г.*

Великий Новгород
2013

ББК 63. 3(2Р-4Но)

П84

Печатается по решению

РИС НовГУ

Составитель
В. Ф. Андреев

П 84 **Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / сост. В.Ф. Андреев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 181 с.**

ISBN 978-5-89896-428-3

Сборник содержит материалы докладов научной конференции «Прошлое Новгорода и Новгородской земли», проходившей в НовГУ 17-18 ноября 2011 г. В сообщениях освещены вопросы археологии, истории, культуры Новгорода и Новгородской земли с древнейших времен до наших дней.

Статьи публикуются в авторской редакции.

ББК 63. 3(2Р-4Но)

ISBN 978-5-89896-428-3

© Новгородский государственный
университет, 2013

© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Фомин (Липецк)	3
Варяго-русский вопрос в отечественной и зарубежной историографии XVII — начала XIX века	
В.Я. Конецкий (Великий Новгород)	22
Древнейшие погосты в контексте становления Новгородской государственности.	
И.А. Ярмолович (Сольцы)	30
Влияние дальних походов первых русских князей на формирование политико-административной структуры Новгородской земли.	
М.И. Жих (Санкт-Петербург)	33
«Реформа» княгини Ольги как попытка централизации Руси.	
А.М. Гринев (Великий Новгород)	51
Древнейшая Ладога в контексте этнокультурных процессов Северо-Запада в изображении отечественной и зарубежной историографии конца XX века.	
Л.П. Грот (Аулеу - Швеция)	58
О титулатуре летописных князей	
Л.Е. Морозова (Москва)	67
О причине голода в Новгороде в XIII в.	
М.А. Несин (Санкт-Петербург)	72
Социальная организация Новгородского веча	
А.В. Сазанова (Екатеринбург)	88
Проблема княжеской власти в Новгородской республике в дореволюционной историографии.	
В.В. Андреев (Санкт-Петербург)	94
Средневековый Новгород в «Истории России» Н.-Г. Леклерка.	
Ю.В. Зевако, В.В. Соловьёва (Екатеринбург)	102
Великий Новгород в исследованиях уральцев (на примере Уральского государственного университета)	
В.А. Маракулин (Екатеринбург)	106
Знаки собственности на берестяных поплавах в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа)	

О.В. Кузьмина (Великий Новгород)	112
Одежда в менталитете средневековых новгородцев XIV – XV вв.	
А.В. Щербаков (Санкт-Петербург)	131
Навсегда в истории Церкви: Святитель Геннадий (Гонозов), архиепископ Новгородский.	
Р. А. Фролов. (Липецк)	135
Новгород в системе отношений России и Швеции в годы правления Ивана Грозного.	
М.С. Черкасова (Вологда)	138
Грамоты Новгородских митрополитов в архивохранилищах Вологды.	
Д.С. Белков (Великий Новгород)	142
Проведение рекрутских наборов в Новгороде в 1776-1788 гг. (по материалам Новгородского городского магистрата)	
А.Г. Гуськов (Москва)	148
Великое посольство 1697-1698 гг. в Новгородской земле.	
В.Ф. Андреев (Великий Новгород)	149
Василий Евдокимович Адодуров	
Н.С. Федорук (Великий Новгород)	152
Сельские сословия в структуре Новгородской губернии в XIX – XX вв.	
А.Н. Долгих (Липецк)	158
А.А. Аракчеев и система управления с. Грузино Новгородской губернии: к вопросу о помещицьем попечительстве над крепостными в начале XIX века.	
Т.А. Корешкова (Великий Новгород)	163
Гедеон Николаевич Бычков – первый агроном Новгородского губернского земства. 1879-1883 гг.	
Я.А. Васильев (Великий Новгород)	169
Экономическое состояние Новгородской губернии начала XX века в оценках чиновников Государственного банка (по материалам ревизий Новгородского и Череповецкого отделений)	
А.К. Галкин (Санкт-Петербург)	175
Из Софии в Софию: к истории перенесения мощей святителя Никиты Новгородского в XX веке.	

«Реформа» княгини Ольги как попытка централизации Руси

Как хорошо известно, в IX–X вв. постепенно все восточнославянские этнополитические объединения попадают, так или иначе, в зависимость от Киевской Полянкой земли и ее правящей военно-торговой верхушки¹, которая и представляла собой зачатки государственного аппарата. Этот процесс хорошо освещен в литературе² и мы не будем на нем останавливаться. Земли, попадавшие под власть Киева, сохраняли огромную автономию и нередко стремились восстановить полную независимость, хотя широко участвовали в организуемых им военно-торговых экспедициях. Главной формой зависимости восточнославянских земель от Киева была в первую очередь выплата дани, состоявшей главным образом из продуктов, вывозившихся затем киевской военно-торговой верхушкой в Византию и страны Востока и Европы. О том, как происходил первоначально сбор дани с покоренных Киевом этнополитических объединений восточных славян, рассказывает византийский император Константин Багрянородный (945–959) в своем знаменитом сочинении «Об управлении империей» (948–952): «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава (Киева – М.Ж.) и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов (древлян – М.Ж.), другувитов (дреговичей – М.Ж.), кривичей, севериев (северян – М.Ж.) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками – М.Ж.) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы (ладьи – М.Ж.), они оснащают их и отправляются в Романию (Византию – М.Ж.)»³.

Подробный анализ этой интересной политической системы был произведен Б.А. Рыбаковым⁴, показавшим, что *полюдье*⁵ было основой политической организации Киевской Руси в ранний период ее истории и основой существования ее правящей верхушки, превращавшейся постепенно в административный аппарат, осуществляющий управление Киевской Русью. Итак, перед нами довольно любопытное политическое объединение, обладающее, тем не менее, важнейшими институциональными чертами, позволяющими определить его предгосударственный политический характер⁶.

Главное отличие *государства* от предшествующих ему потестарно-политических образований состоит в том, что в государстве разрушен принцип реципрокности (принцип взаимных обязательств между народом и властью)⁷. Причем в падении принципа реципрокности можно выделить три стадии:

1. В обществе полностью работает принцип реципрокности;
2. Одно этнополитическое объединение покоряет другие. Принцип реципрокности сохраняется в «своем» обществе, а по отношению к покоренным обществам он не выполняется. Именно такой характер носили отноше-

ния Киева с древлянами, радимичами и т.д. Т.е. внутри общества киевских русов принцип реципроктности сполна сохраняется и князь действует, как лидер «своей» киевской общины. А по отношению к покоренным древлянам, радимичам, дреговичам и т.д. киевский князь (и киевская полянская община в целом) выступает как завоеватель и экзозексплуататор. Основной формой зависимости восточнославянских этнополитических объединений от Киева была выплата дани⁸. Отношения данничества всегда обращены «во вне». Это отличает основанные на них политические объединения от собственно государства, где отношения эксплуатации всегда обращены «внутри» самого общества⁹. Затем (об этом процессе далее и пойдет речь) Киев переходит к *прямому* управлению завоеванными областями¹⁰.

3. Принцип реципроктности ломается и в «своем» обществе.

Киевская Русь X в. находилась на второй стадии развития этого процесса. С точки зрения политической антропологии это типичное суперсложное вождество¹¹. От суперсложного вождества, каким являлась Русь X в. возможен был путь к государству (с переходом к третьему этапу падения принципа реципроктности), но был реализован в силу ряда причин совсем иной путь политогенеза¹².

Разумеется, сохранение отдельными славянскими объединениями огромной автономии приводило к острым конфликтам, ибо Киев хотел укрепить свою власть, а подчиненные ему восточнославянские этнополитические объединения – вернуть полную независимость. В ходе одного из таких конфликтов – столкновения Киева с Древлянской землей – погиб князь Игорь¹³. Это событие стало рубежным в истории взаимоотношений Киева и подчиненных ему *славиний*¹⁴, да и вообще в истории Киевской Руси, определив ее дальнейшее развитие на долгое время вперед и положив начало новому этапу в процессе становления и консолидации правящей элиты Древней Руси и ее превращению в аппарат государственного управления.

Здесь надо рассмотреть вопрос о так называемой «реформе Ольги¹⁵», но, забегая вперед, отметим, что это было важнейшее событие в ранней истории Киевской Руси, четко разграничившее два ее периода и повернувшее эту историю на новый путь, что кажется в историографии до сих пор не достаточно еще осознано¹⁶.

Вот что рассказывает Повесть временных лет¹⁷. После разгрома восставших против власти Киева древлян: «(1) иде Вольга по Деревстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки, [и] суть становища ее и ловища. (2) Иде Вольга Новугороду и устави по Мсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; (3) [и] ловища ея суть по всей земли, знаменья, и места, и повосты, и сани ее стоят в Плескове до сего дьне, (4) и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, возврати ся к сыну своему Киеву»¹⁸.

Этот весьма непростой для интерпретации текст давно уже находится в центре внимания исследователей¹⁹. При этом, следует отметить, что ученые, анализируя этот летописный рассказ, далеко не всегда разграничивали дея-

тельность Ольги в Древлянской и Новгородской землях, говоря, обычно, просто о «реформе Ольги», хотя еще А.А. Шахматов считал слова «Иде Вольга Новгороду и уставы по Мсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани» вставкой, опирающейся на новгородские источники²⁰. Разделял рассказы о деятельности Ольги в Древлянской и Новгородской землях и Б.Д. Греков, находя здесь смешение двух разновременных известий²¹. При этом А.А. Шахматов вообще считал рассказ о новгородской деятельности Ольги искусственным, связанным с наличием на новгородском севере своей собственной Деревской земли (пятины), наличие которой позволило новгородскому летописцу XI в. приурочить рассказ Древнейшего Киевского свода о деятельности Ольги в земле древлян к Новгородчине. Позднейший киевский летописец просто механически соединил эти два рассказа²². Ныне аналогичного мнения о недостоверности летописного рассказа о деятельности Ольги в Новгородской земле придерживается Н.Ф. Котляр²³. Ученый отмечает, что «возле Новгорода в древнерусское время существовала своя Деревская земля, деревский погост. В начале XI в. Деревской землей называлась область Новоторжская, возле Торжка, а сам город Торжок звался в древности... Искоростенем»²⁴.

Не все, однако, так просто. Если даже признать, что рассказ о деятельности Ольги в Новгородской земле – вставка, основанная на новгородских источниках, то это отнюдь не снимает проблемы по-существу, так как в таком случае возникает естественный вопрос: а откуда, собственно, на севере Руси взялась *Деревская земля, да еще и со своим собственным Искоростенем*? Н.Ф. Котляр считает, что она была заселена колонистами с юга, выходцами из Древлянской земли²⁵, но не конкретизирует это положение. По мнению А.С. Королева речь тут может идти о древлянах, бежавших из своей земли на север после подавления их восстания Ольгой²⁶. На наш взгляд, тут вполне уместно предположить, что, подавив восстание древлян, именно Ольга целенаправленно переселяет часть их в Новгородскую землю²⁷. Осуществляет, так сказать, первую известную нам в отечественной истории депортацию непокорных²⁸ в другую часть страны, чтобы оторвать их от родной земли и навсегда покончить с традиционной для Киева «древлянской проблемой». Масштаб столкновения диктовал и необходимость принятия радикальных мер по ее решению. Переселение части древлян в Новгородскую землю и могло стать именно такой мерой. Связь Ольги с Новгородской землей несомненна²⁹. Сама она происходила именно оттуда³⁰ и именно там княжил впоследствии ее сын Святослав, как о том сообщает Константин Багрянородный³¹ (об этом известии ниже у нас еще пойдет речь). Особенно важно, что в дальнейшем система погостов получит наибольшее развитие именно в Новгородской земле³², а летопись особо отмечает создание их там Ольгой. Так что, подвергать сомнению рассказ о деятельности княгини Ольги в Новгородской земле нет оснований, хотя идея о восхождении его к первой Новгородской летописи XI в., на наш взгляд, заслуживает внимания³³. К дальней-

шему текстологическому анализу этого рассказа мы еще вернемся в дальнейшем.

Часто исследователи не разграничивали четко «вотчинно-домениальную» (*села, перевесища, ловища*) и «государственно-административную» (*погосты, уставы, уроки*) деятельность княгини. Между тем, для таких разграничений есть определенные основания, хотя очень жестко отделять одно от другого не следует, учитывая нераздельность интересов князя как «вотчинника» и как главы того политического объединения, которое ныне мы называем Киевской Русью. Забегая несколько вперед, отметим, что *села*³⁴, *перевесища* и т.д. могли быть не столько «доменом Ольги», сколько предназначаться для обслуживания *погостов*. Не случайно летописец помещает все эти понятия в единый смысловой ряд.

Что касается комплекса известий о *селах, знаменьях, ловищах, перевесищах* и т.д. то его в историографии традиционно принято связывать в первую очередь с созданием (или реформой) Ольгой домениального землевладения киевских князей. Именно так, с теми или иными вариациями, обычно полагают ученые. Особенно принято было подчеркивать это в советской историографии, стремившейся во что бы то ни стало найти на Руси уже с IX–X вв. крупное феодальное землевладение. Так, скажем, Б.А. Рыбаков полагал, что «Время княгини Ольги... было временем усложнения феодальных отношений, временем ряда запомнившихся реформ, укреплявших и юридически оформлявших обширный, чересполосный княжеский домен от окрестностей Киева до... Луги и... Мсты»³⁵. Л.В. Черепнин считал, что летопись рассказывает об «организации хозяйства на землях, принадлежавших князьям-вотчинникам, пользовавшимся трудом феодально-зависимых людей... Вероятно, часть земельной площади была изъята Ольгой у пользовавшихся ей общинников в личную собственность»³⁶. Аналогично и мнение О.М. Рапова³⁷.

Эти положения попытался оспорить И.Я. Фроянов, который вслед за С.В. Бахрушиным³⁸ полагает, что известия о *селах* Ольги могут иметь позднейший и недостоверный характер или же *села* эти были крайне малочисленны и заводились исключительно с промысловыми целями³⁹. Что же касается *ловищ, перевесищ и становищ* Ольги, то их ученый определяет как места ловли жертвенных животных и птиц (*ловища и перевесища*) и их ритуальных жертвоприношений, которые совершала Ольга, чтобы таким сакральным путем обеспечить себе победу над древлянами⁴⁰. Эти построения И.Я. Фроянова необоснованны, что вполне убедительно показал М.Б. Свердлов⁴¹. Сам он совершенно справедливо, на наш взгляд, считает, что «известия исторических источников свидетельствуют о существовании в середине X в. комплексного княжеского хозяйства, включавшего *села*»⁴². Не стоит только чрезмерно преувеличивать масштабы и удельный вес княжеского домениального хозяйства времен Ольги, как это имело место в советской историографии. По отношению к землевладению свободного населения оно составляло

крайне незначительную величину. Да и как было сказано выше, скорее всего оно предназначалось в первую очередь именно для обслуживания *погостов*⁴³.

Однако нас в первую очередь интересует другой аспект деятельности Ольги, связанный с установлением неких *уставов* и *уроков* и созданием *становищ* и *погостов*. Что касается *уставов* и *уроков*, то они представляли собой, очевидно, нормы взимаемой Киевом дани, что было в то время особенно актуально, ведь именно из-за нарушения установленных размеров дани погиб князь Игорь⁴⁴. Поэтому, задача четкого определения размеров дани, взимаемой с подвластного населения, была очень актуальна для киевского правительства. Ольга тарифицирует дань и определяет ее точные размеры⁴⁵. Однако, «реформа» Ольги состояла не столько в этом, сколько в том, что княгиня *изменяет сам порядок сбора дани*, отказываясь от полюдья – объезда всех подчиненных *славиний* и переходит к стационарному сбору дани, так сказать, децентрализует процесс ее сбора, поручая его своей новой администрации на местах⁴⁶, создавая для этого особые опорные пункты в подвластных землях – *становища* и *погосты*. Что же скрывается за этими названиями и какие изменения в организации социально-политического устройства Киевской Руси отражает их создание?

Здесь сразу надо отметить, что эти слова имели в древнерусском языке различные значения, которые еще и изменялись во времени и пространстве. Точное их значение *во времена Ольги* нам не известно, равно как нет и уверенности в том, что летописцы XI–XII вв. не экстраполировали современные им понятия и обозначающие их термины на предшествующие времена. Помня об этом, попробуем все же проникнуть в суть произошедших в середине X в. перемен. Суть созданных Ольгой *становищ* вполне убедительно раскрыл М.Б. Свердлов. По мнению ученого «*Становище*, по письменным памятникам XI–XII вв. и в данном контексте, – «стоянка, стан». Последующее развитие термина А.Н. Потебня определил как «стан, станция для князей, княжих мужей и тиунов, приезжавших для дани...» Они представляли собой станы, где останавливалась княгиня и княжьи мужи с дружинами. Как давно отмечено, они могли совмещаться с *ловищами* – «местами для звериной и рыбной ловли», но их сакральных функций, в отличие от мнения И.Я. Фроянова, ни в исторических источниках, ни в лексическом и историческом анализе не прослеживается. При таком понимании этих терминов *ловища* представляли собой княжеские территории, где останавливающиеся в становищах княжьи мужи и дружинники охотились и ловили рыбу, что придавало им статус княжеской земельной собственности в древлянской земле (курсив М.Б. Свердлова. – М.Ж.)⁴⁷. Т.е. *становища* – это и есть пункты, предназначенные для стационарного сбора дани с подвластного населения, причем, по всей видимости, они в этом качестве предшествовали *погостам*⁴⁸. Существует и точка зрения, согласно которой *погост* и *становище* – это просто два разных названия, в сущности одинаковых центров, различающиеся по географическому принципу: *становища* создавались на юге – в Древлянской земле, а *погосты* – на севере Руси⁴⁹. Сложнее обстоит дело с последними.

Определение того, как следует определять сущность и функции созданных Ольгой *погостов* вызвало значительные разногласия в историографии⁵⁰. Лингвисты выделяют несколько хронологически последовательных этапов изменения значения этого слова в древнерусском языке:

1. Место гощения купцов (постоялый двор);
2. Место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью;
3. Главное поселение округа;
4. Церковь в нем;
5. Кладбище при церкви;
6. Кладбище⁵¹.

Очевидно, что временам Ольги и ее ближайших преемников (середина X – начало XI в.) соответствуют второе⁵², а затем и третье значение. Примерно так, с теми или иными вариациями, и считало большинство дореволюционных ученых⁵³. Этому же мнению, с теми или иными отличиями, придерживается и большинство советских и современных исследователей. Так, по мнению Б.Д. Грекова Ольга «внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствующим выполнять в то же время и задачи политические – укрепление власти киевского князя на местах»⁵⁴. Сходным образом рассуждает и В.В. Мавродин. При этом, ученый пытается проследить генезис этих пунктов и связать их с местными центрами более ранней поры: ««Уставляя» землю, Ольга вводила погосты. Погосты из селищ и мест для торговли, «гостьбы»⁵⁵, превращаются в административные центры княжеского финансового управления. Понятно, почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост являлся объединяющим центром всех тянувших к нему поселений данников, где сходились нити экономических связей, соединяющих отдельные пункты данного района. В погостах постоянно проживали княжеские «мужи», систематически собиравшие дань, «творившие» именем князя, на основе обычного права, «закона русского», суд и расправу и взимавшие судебные пошлины. При такой системе существование самостоятельных племенных князей было невысказанным»⁵⁶. Здесь существенный научный интерес представляют мысли ученого о создании Ольгой своих новых административных пунктов на основе древних местных центров и о постепенной замене администрацией, назначаемой из Киева, местных органов власти. Близка к этому и точка зрения А.А. Зимина. По мнению историка первоначально погосты были «какими-то старыми племенными центрами», которые Ольга превратила «не только в сборные пункты дани, но и в центры судебно-административной деятельности»⁵⁷.

А.Н. Насонов считал, что «первоначально все погосты имели значение «становищ», как можно заключить из летописного текста под 946-947 гг., откуда распространялась во время объездов деятельность административно-финансовая и судебная на окружные места»⁵⁸. При этом историк считает погосты лишь «постоянными определенными местами объезда» во время полюдь⁵⁹, с чем нельзя согласиться. Прав, на наш взгляд, С.В. Юшков, который указывал на несовместимость объезда, известного как *полюдь* с *погостами* как стационарными пунктами сбора дани и административно-судебного управления, в которых сидели «постоянные княжеские агенты»⁶⁰. По мнению Н.И. Платоновой формирование на Руси системы погостов связано с «успехами окняжения земель во второй половине X в. Возникновение сети погостов-центров соответствует этапу развития государственности, на котором грабеж «примученных» племен и архаичное полюдь уступали место регулярному сбору дани по округам. Сбор проводился верхушкой местного населения, активно включившейся в процесс раннеклассовой эксплуатации соплеменников. Подоснова, на которой возникали погосты X-XI вв., могла быть различной. В частности, такую роль принимали на себя и более ранние территориальные центры. Однако путать само явление с его подосновой не следует»⁶¹. Здесь очень любопытны мысли о связи созданных центральной киевской властью погостов с древними местными центрами, а также о том, что к управлению в них могла привлекаться и местная знать, а не только посланцы из Киева.

Несколько иначе рассуждал С.В. Юшков, по мнению которого погосты «не были просто финансово-административными центрами: они были центрами феодального властвования, основными очагами феодальной эксплуатации»⁶². Близкую точку зрения отстаивал впоследствии Б.А. Рыбаков, который считал что «киевская княгиня ... организует сеть погостов-острогов, придающую устойчивость ее домениальным владениям», а сам погост «представлял собой микроскопический феодальный организм, внедренный княжеской властью в гущу крестьянских «весей» и «вервей»»⁶³ и был в то же время и административным центром определенного района⁶⁴. Такого рода суждения основаны на преобладающей в советской историографии, но совершенно безосновательной идее об утверждении феодальных отношений на Руси уже в IX-X вв.⁶⁵, хотя отдельные представляющие интерес и ныне детали в них имеются.

Согласно иному подходу⁶⁶, также намеченному С.В. Юшковым, погосты – это созданные Ольгой «финансово-административные округа»⁶⁷. Аналогично и мнение Б.А. Романова, который считал *погост* территориальной единицей, созданной князьями в административных и податных целях⁶⁸. Точно также считает ныне Б.А. Тимошук⁶⁹. На наш взгляд, эта позиция не противоречит выделенному нами выше первому взгляду на *погосты* Ольги в историографии. Район, центром которого был *погост* вполне мог носить тоже название, что и сам *погост*⁷⁰. Не случайно, что большинство сторонников этого подхода понимали *погост* и как некий административный центр и как

весь подвластный ему район. Второе значение, на наш взгляд, явно вторично и в дальнейшем получило на Руси лишь локальное распространение в рамках сложения и эволюции ее административной системы. Основное значение этого термина в рассматриваемые нами времена – это, безусловно, «место пребывания князя и его подчиненных, выезжающих за данью», а затем и «главное поселение округа» (см. выше историю эволюции термина *погост*).

Совсем иначе представлял себе генезис *погостов* Н.Н. Воронин, по мнению которого *погост* – это вовсе не «результат деятельности «мудрой Ольги»», а «сложная система общественных отношений, в которой на еще доклассовую основу наплаивались позднейшие процессы. Одним из основных моментов нужно считать превращение этих погостских общин в податные общины; не обложение данью создавало погосты, а дань, собиравшаяся в частности Ольгой, легла на исторически сложившиеся территории общин, усвоив имя погоста-дани; не приезд князя или купца создавал погост, как поселение, а князь и купец собирали дань и торговали в старых центрах архаической сельской общины». Погостом, по мнению ученого «называлась, с одной стороны, определенная система поселения, а именно – сельская община, и, с другой стороны, «погостом» же называется определенный вид дани», взимавшийся с отдаленных сельских районов⁷¹. Мнение Н.Н. Воронина убедительно оспорил Б.А. Романов, показавший, что именно «от Ольги... остались какие-то территориальные пункты – погосты. Что они были удобно расположены или установлены для сбора дани не в отдалении от населенных мест, а, скорее всего в исторически сложившихся центрах населенных районов, это довольно правдоподобно»⁷². Как справедливо указывает Б.А. Романов, Н.Н. Воронину «не удалось привести ни одной черточки в источниках в пользу того, что территориальная община всюду и везде носила на дофеодальном этапе название «погост»»⁷³, а так как Н.Н. Воронин не предложил никакого нового объяснения происхождения самого этого термина, «простое отрицание его связи с гостьбой и остановами князей в полюдь не продвигает, а тормозит отнесение этого термина в дофеодальную древность»⁷⁴. К этому еще можно добавить, что понимание термина «погост», как некоего вида дани ни из каких источников вывести невозможно.

Л.В. Черепнин, также понимая *погосты*, как некие административно-фискальные округа, попытался наметить динамику их развития. На первом этапе, по мнению ученого, *погост* – это община – социальная организация, которая в Русской правде фигурирует как «вервь». Здесь, как видим, Л.В. Черепнин сближается с Н.Н. Ворониным. Затем, *погосты* из поселений соседних общин трансформируются в административно-фискальные округа, каковые и создавала Ольга в ходе своей «реформы»⁷⁵, что близко к идее Б.А. Романова⁷⁶.

Значительным своеобразием отличается трактовка созданных Ольгой *погостов*, предложенная И.Я. Фрояновым⁷⁷. В целом, историк вразрез практически со всей предшествующей историографией решительно отверг проведение Ольгой «судьбоносной реформы». По мнению ученого «Киевская

княгиня вводила не новые порядки и правила, а восстанавливала старые традиции, неосмотрительно нарушенные ее супругом Игорем. Она вернулась к нормированной дани... Земельной собственностью... Ольга не обзаводилась... «общегосударственных» законов... не издавала. Нет оснований, чтобы говорить об изменении порядка сбора дани... в деятельности Ольги отсутствует то, что можно было бы назвать реформой»⁷⁸. Что касается созданных Ольгой *погостов*, то И.Я. Фроянов считает, что «поначалу погосты – это специально отведенные места, предназначенные для встреч и контактов местных финно-угорских племен с чужеземцами»⁷⁹. Ученый исходит из значения слова «гость», однокоренного «погосту», как «чужеземец»⁸⁰ и, опираясь на многочисленные этнографические параллели⁸¹, делает вывод, что славяне общались с «чужеземцами», в данном случае – угро-финнами в специальных сакральных пунктах – *погостах*. Затем, «по мере развития данничества и в результате обложения данью северо-западных финно-угров расширяются функции погостов: они становятся еще и пунктами, куда приезжают сборщики дани». Ольга «опираясь на существующие традиции финно-угорских племен, обозначила сакрально защищенные места сбора дани»⁸². Эти построения И.Я. Фроянова, на наш взгляд, не имеют под собой достаточных оснований⁸³, что убедительно показал М.Б. Свердлов⁸⁴. И дело не только в том, что *погосты* были распространены не только в Новгородской земле, но и в других регионах Древней Руси⁸⁵, не только в том, что финно-угорское население на Мсте и Луге было уже в основном ассимилировано и к середине X в. там уже проживали славяне⁸⁶, в то время как о финно-уграх можно для *этого* времени можно говорить *только лишь* на Нижней Луге и Верхней Мсте⁸⁷, а главным образом в том, что, принимая объяснение И.Я. Фрояновым характера общения славян с угро-финнами, совершенно невозможно объяснить этнокультурный синтез и ассимиляцию последних первыми⁸⁸, которая, естественно, предполагала непосредственное общение между ними, вовсе не требовавшее неких «сакральных пунктов»⁸⁹.

М.Б. Свердлов, напротив, полагает, что «...Ольга осуществила в середине X в. значительную реформу Русского государства. Погосты – места временных остановок князя или княжих мужей с дружинами во время полюдья – она реорганизовала в центры постоянного княжеского административно-судебного управления в сельской местности. Такое «устройство» погостов наряду с уже формирующейся системой городов с волостями во главе с княжескими посадниками имело следствие замену на Руси древнего племенного деления территориальным... Эти изменения... способствовали... дальнейшему развитию социальных и государственных структур, формированию политически единого государства»⁹⁰.

Здесь уместно задать вопрос: а только ли на Дrevлянскую и Новгородскую земли распространялась «реформа Ольги» или она охватывала всю территорию Киевской Руси? На наш взгляд, именно второе решение выглядит более предпочтительным. Еще С.М. Соловьев отмечал, что «хотя летописец упоминает о распоряжении Ольги только в земле Дrevлянской и в отдельных

пределах Новгородской области, однако как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты»⁹¹. О том, что «реформа Ольги» охватывала всю подвластную Киеву территорию писал и С.В. Юшков⁹². В принципе, о том же говорили Л.В. Черепнин⁹³ и А.А. Зимин⁹⁴. Ныне В.Я. Петрухин считает, что при Ольге происходит «установление государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода...»⁹⁵. По мнению историка создание Ольгой погостов знаменовало собой отказ от описанного Константином Багрянородным *полюдья* и переход к стационарному сбору дани по всей территории Киевской Руси (*полюдье* при этом сохранилось лишь как локальное явление на периферии)⁹⁶. Как общедревнерусскую рассматривает «реформу Ольги» и М.Б. Свердлов⁹⁷. При этом ученый приводит в пользу такой трактовки летописного повествования серьезные текстологические доводы⁹⁸. Условно выделенный третий блок информации о деятельности Ольги (см. выше) говорит о том, что «По всей земле есть *ее ловища*, знаменья, места, *погосты* (курсив М.Б. Свердлова. – М.Ж.)»⁹⁹.

Причем, под «всей землей» здесь, по всей видимости, следует понимать территорию всей Руси¹⁰⁰.

Таким образом, сложение текста о «реформе Ольги» рисуется в следующем виде (частью о текстологии этого рассказа выше уже шла речь): «первоначальный киевский» рассказ об этом событии содержал два блока информации:

1. об «установлении» Ольгой Древлянской земли после подавления восстания древлян против власти Киева и о четкой тарификации дани с установлением *становищ* – пунктов для ее стационарного сбора и административно-судебного управления подвластными землями, а также *перевесищ* и *ловищ* для их обслуживания;

2. о распространении «древлянского опыта» на все подвластные Киеву этнополитические объединения восточных славян – «всю землю».

В Новгородской летописи XI в. внимание в первую очередь было обращено на деятельность княгини в Новгородской земле и помещен соответствующий рассказ. В Киевском своде конца XI в. произошло соединение киевской и новгородской версий деятельности Ольги в результате чего в первоначально целостный киевский текст был вставлен третий (новгородский) блок информации.

Подводя итоги нашего историографического обзора, можно сказать, что созданные Ольгой *погосты*, согласно наиболее убедительным трактовкам, представляли собой:

1. *Пункты стационарного сбора четко тарифицированной дани*. Их создание знаменовало собой отказ от *полюдья* – кругового объезда киевским князем всех подчиненных восточнославянских этнополитических объединений, описанного Константином Багрянородным. Теперь сбор дани осуществлялся из постоянно существующих пунктов – погостов, куда, по всей види-

мости, местные жители сами свозили дань. Эта форма взимания дани называлась, очевидно, *повоз*¹⁰¹. *Полюдье* после этого сохраняется лишь как локальное пережиточное явление в периферийных районах Руси¹⁰².

2. Пунктами административного управления, которыми киевское правительство заменяло местные власти отдельных славиний, сохранявших еще к середине X в. огромную внутреннюю автономию (своих князей, знать, народные собрания и т.д.). Причем создавались эти пункты, по всей видимости, рядом или непосредственно на месте существующих центров восточнославянских этнополитических объединений. Управление там могли осуществлять не только представители Киева, но и отдельные – прокиевские – представители местной знати и местного населения.

В.В. Пузанов выделил на примере Древней Руси три стадии интеграции отдельных славиний:

1. военный «союз племенных союзов»¹⁰³ с целью противостояния общей внешней опасности;

2. объединение «союзов племен» под властью одного из них, который представлял зародыш публичной власти по отношению к остальным (зависимость такого рода устанавливалась, по большей части, силовым путем, выражаясь в уплате дани и совместных военных акциях. Порядок управления в подвластных «племенах» оставался прежним);

3. Господствующий «союз племен» переходит к прямому управлению подвластными этнополитическими объединениями посредством ликвидации (либо ограничения) местных («племенных») органов власти и замены их наместниками с «центра»¹⁰⁴.

Именно переход к этому третьему этапу интеграции и начался в Киевской Руси переход в ходе «реформы Ольги». Еще С.В. Бахрушин отметил интереснейшую деталь: если договоры Руси с Византией 911 и 944 гг. заключались от имени киевского князя и подчиненных ему местных князей, то в договоре 971 г. никаких упоминаний о них нет¹⁰⁵. Отсюда историк сделал вывод, что к тому времени с «мелкими князьями» уже было покончено: они были либо истреблены, либо полностью подчинены киевским князьям. Святослав, как известно, сажает своего сына Олега князем в Древланской земле¹⁰⁶, из чего И.Я. Фроянов резонно заключил, что «к моменту посажения Олега в Древланской земле своего князя не было»¹⁰⁷. Владимир уже сажает сыновей во всех основных городах Руси: «Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершую же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»¹⁰⁸.

Следовательно, местных князей к тому времени в восточнославянских областях уже не имелось или они были полностью подчинены¹⁰⁹. И есть все основания полагать, что главным образом этот процесс произошел именно в результате «реформы Ольги»¹¹⁰. Летопись отмечает, что после подавления восстания древлян и взятия Искорстена она «старейшины же града изъни-

ма»¹¹¹, т.е. взяла в плен. *Старейшины града* или *старцы градские* – это, очевидно, родовая знать славянских этнополитических объединений¹¹². Очень любопытное и тонкое наблюдение относительно судьбы древлянского князя Мала и всей древлянской политической самостоятельности сделал, внимательно вчитавшись в текст летописного повествования, А.С. Королев: «Особенно циничным выглядит языковое коварство Ольги в рассказе о четвертой мести древлянам. Она заявляет древлянам, повторяя с необычайной настойчивостью: «Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас *мало*, заключив с вами мир, уйду прочь... Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас *мало*: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья. Я не хочу возлагать на вас тяжкую дань, как муж мой, поэтому и прошу у вас *мало*. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас *мало*». К чему этот повтор: мало, мало, мало... Если вспомнить, что древлянского князя звали Мал, то можно сообразить, что Ольга использовала каламбур и самую простую фразу превратила в загадку. Она снова не обманывала, добиваясь уже не мести, а гораздо большего. Ольга потребовала от древлян князя – предводителя восстания, в данном контексте – всей их независимости, которую и искоренила полностью (курсив А.С. Королева. – М.Ж.)»¹¹³. В этой связи очень любопытно предание, записанное на Псковщине – родине Ольги – в XIX в. П.И. Якушкиным, где говорится о том, что Ольга «много князей перевела: которого загубит, которого посадит в такое место»¹¹⁴. Разумеется, предание искажает действительность и в нем это «погубление» Ольгой князей облачено в форму неудачного сватовства, однако, общее направление деятельности Ольги оно сохранило верно. Поэтому прав, на наш взгляд, В.В. Пузанов, который говорит о том, что «Рюриковичи, в прямом смысле слова, утверждались на костях «племенных князей»»¹¹⁵.

Но был, очевидно, период сосуществования и жестокой борьбы между князьями, знатью и народом *славиний* с одной стороны и Киевом и его представителями-наместниками – с другой¹¹⁶. И был, соответственно, период сосуществования и соперничества между центрами восточнославянских этнополитических объединений – с одной стороны и создаваемых Киевом своих опорных пунктов в покоренных землях – с другой.

¹ При этом важно отметить, что покорения Киевом восточнославянских «племен» «не являлись делом рук исключительно князей и дружины. Для покорения соседних племенных княжений и удержания их в даннической зависимости сил одной дружины явно не хватало. Только народное войско... в состоянии было сделать это» (Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. СПб., 2001. С. 501-502). Таким образом, покорение восточнославянских этнополитических объединений – это дело вовсе не только киевских князей с их дружинами, а рядовых полян, объединенных в ополчение. Соответственно и собранная с покоренных «племен» дань шла не только князю и его дружинникам, но и всей киевской полянской общине. Ср. слова Константина Багрянородного о том, что в полудне «архонты выходят со всеми росами из Киавы (Киева – М.Ж.) (курсив мой. – М.Ж.)» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51).

² С определенными различиями в конкретной интерпретации см.: Магродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 221-247; его же. Образование древнерусского государст-

ва и формирование древнерусской народности. Л., 1971; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 450-458; Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 25-42; *его же*. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 284-369; Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 498-505; *его же*. К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала русской истории; Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 102-151; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 83-181; Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 54-75.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 51.

⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 316-342. См. также: Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М.Калинина. М., 2000; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 330. Примеч. 66 (Е.А.Мельникова, В.Я. Петрухин); Кобищанов Ю.М. Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 247.

⁵ На наш взгляд И.Я. Фроянов, жестко разграничивающий *дань* и *полюдь* (Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.) СПб., 1996. С. 448-484; *его же*. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 237-239), не вполне точно изображает сложную картину становления и функционирования «налоговой системы» Древней Руси. Не касаясь вопроса о происхождении *полюдя* и его сущности на разных этапах истории восточных славян и Киевской Руси, отмечу, что наиболее точно *полюдь* первой половины X в. охарактеризовал Л.В. Черепнин как «систему» сбора дани (курсив Л.В. Черепнина. – М.Ж.)» (Черепнин Л.В. Отзыв о монографии И.Я. Фроянова: «Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя». Л., 1973 // Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты... С. 322). Это наиболее точно соответствует описанию *полюдя* Константином Багрянородным.

⁶ При этом любопытно, что Новгородская земля не была охвачена *полюдем*. Вообще, у нас нет никаких данных, которые позволяли бы говорить о зависимости ее от Киева до середины X в. и «реформы Ольги» (Фроянов И.Я. Мятный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 107-129). До этого времени можно, по всей видимости, говорить лишь о союзнических отношениях, но не более. А.С. Королев верно отмечает, что «до середины X в. между Новгородом и Киевом не было стабильного контакта» (Королев А.С. Загадки первых русских князей. М., 2002. С. 120-121).

⁷ Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. См. также: Майоров А.В. [Рец. на кн.] Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002 // *Rossica antiqua: Исследования и материалы* 2006 / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 393.

⁸ О даннических отношениях в восточнославянском мире и об их развитии см.: Юшков С.В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X-XI вв. // Историк-марксист. 1936. № 5; Фроянов И.Я. Данники на Руси X-XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. / Под ред. В.К. Яцунского. М., 1970; *его же*. Рабство и данничество... С. 260-484; *его же*. Киевская Русь: Главные черты... С. 233-251; Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X-XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX в. Ижевск, 1995; Каштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей. К 70-летию А.Л. Хорошкевич Сост. А.В. Юрасов; отв. ред. В.Л. Янин. М., 2003. Там же см. историографию вопроса.

⁹ См.: Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6; Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 260-274 и сл.

¹⁰ Весьма сходным образом рассматривает интеграционные процессы в восточнославянском мире в IX-X вв. и В.В. Пузанов (Пузанов В.В. Этапы становления и развития древнерусской государственности // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск. 14-15 января 1999 г. / Отв. ред. Ю.А. Малышев, В.В. Пузанов. Ижевск, 1999. С. 8-14; *его же*. Главные черты политического строя Киевской Руси X-XI вв. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб., Ижевск, 2001. С. 20-21; *его же*. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 202-204). К его схеме мы еще вернемся.

¹¹ См. об этом: *Дворниченко А.Ю.* О восточнославянском политогенезе VI-X вв. // *Rossica antiqua*. 2006. С. 184-195.

¹² Там же. С. 194-195.

¹³ Об убийстве древлянами Игоря и о последовавшем за этим покорением Древлянской земли, а также о смысловых нагрузках летописного рассказа об этих событиях см.: Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под реакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. / Подготовка издания и дополнения М.Б. Свердлова. СПб., 2007. (далее – ПВЛ). С. 26-29, 434-439 (Примеч. к стр. 27-28), 608 (Примеч. к стр. 436-439); *Мауродин В.В.* Образование древнерусского государства. С. 246-250; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 132-138; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь. С. 325-328, 360-363; *его же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 365-378; *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 47-49; *Фроянов И.Я.* О событиях 945-946 гг. в Древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // *Историческая этнография*. СПб., 1993; *его же.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 49-77; *его же.* Рабство и данничество... С. 381-393; *Королев А.С.* Загадки... С. 74-91, 118-141; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь... С. 153-157; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 86-91, 180-183.

¹⁴ О правомерности применения этого наименования к восточнославянским этнополитическим объединениям типа древлян, вятичей, радимичей и т.д. см.: *Горский А.А.* Русь... С. 9-19.

¹⁵ О самой Ольге, ее происхождении и о том, почему именно она оказалась во главе киевской общины после гибели Игоря см. интересное, хотя и часто спорное исследование А.С. Королева: *Королев А.С.* Загадки... С. 118-141, 142-147.

¹⁶ Н.М. Карамзин в свое время справедливо назвал проведенную Ольгой «реформу» делом «великой законодательной мудрости» и важным этапом в развитии «внутреннего порядка Государства» (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского: В 12-ти тт. М., 1989. Т. I. С. 270).

¹⁷ М.Б.Свердлов, на наш взгляд, верно выделил в этом рассказе четыре блока информации (*Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. С. 183-184). Мы принимаем это разделение и используем его в дальнейшем анализе.

¹⁸ ПВЛ. С. 29. В НПЛ имеется аналогичный рассказ. Никаких существенных отличий он не содержит. Поэтому рассматривать его отдельно не имеет смысла. Отдельные имеющиеся там (а также в Ипатьевской летописи) разночтения (параллельный текст трех летописей см.: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 183-184) не имеют для нашей темы особого значения.

¹⁹ Подробный историографический обзор см.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 394-406, 412-421. Наличие это обзора делает излишним подробный пересказ в этой статье историографии проблемы, поэтому мы останавливаемся лишь на нескольких узловых для нашей темы моментах.

²⁰ *Шахматов А.А.* Разыскания о древних русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 84-86, 128-129.

²¹ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 301-302. Б.Д. Греков, однако, не сделал из этого столь радикальных выводов как А.А. Шахматов.

²² *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 128-129.

²³ Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 100.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ *Королев А.С.* Загадки... С. 120.

²⁷ Впоследствии киевское правительство часто практиковало подобные переселения, преследовавшие его «государственные» цели: *Шиняков Е.А.* Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // *Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова* / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М., 2006.

²⁸ Вспомним длительную историю борьбы Киева с древлянами: ПВЛ. С. 11, 14, 21, 35. См. также: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт – Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. III. М., 2000. Далее – НПЛ). С. 106.

²⁹ См.: *Королев А.С.* Загадки... С. 120-121 и сл.

³⁰ Там же. С. 118-120. См. также: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 182-183.

³¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45.

³² О погостах в Новгородской земле см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства // *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 85-105.

³³ Ср.: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 184 и сл.

³⁴ Из другого места в летописи мы знаем, что кроме Ольжичей у Ольги были и другие владения. Так, например, есть известие о принадлежности ей Вышгорода (ПВЛ. С. 29). Есть информация и о владении Ольгой селом Будутиным: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 35. См. также *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 54. Сомневаться в достоверности этих известий, равно как и отрицать связь Ольги с Ольжичами нет оснований (*Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 194-195).

³⁵ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 367.

³⁶ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В.* и др. Древнерусское государство... С. 150.

³⁷ *Ратов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 27.

³⁸ См. *Бахрушин С.В.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 169.

³⁹ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Главные черты... С. 136-138.

⁴⁰ *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 406-412.

⁴¹ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 190-191 и сл.

Там же. С. 195.

⁴² Ср.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... 363-365 и сл.

⁴³ ПВЛ. С. 26-27. О том, что дань и ранее была тарифицирована, свидетельствуют слова древлян Игорю: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань (курсив мой. – М.Ж.)» (Там же. С. 27). Именно нарушение Игорем установленных норм сбора дани и послужило причиной конфликта с древлянами.

⁴⁴ *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. С. 250; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории... С. 53; *Зимин А.А.* Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 240-241; *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 412.

⁴⁵ *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 88.

⁴⁶ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 190-191. Там же см. указания соответствующей лингвистической литературы.

⁴⁷ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М., 1947. С. 165; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура... С. 63-64; *его же.* Дополнения // ПВЛ. С. 608 (Примеч. 1 к стр. 440).

⁴⁸ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 364-365. См. также: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь... С. 191.

⁴⁹ Подробную историографию см.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 412-421. См. также: *Свердлов М.Б.* Генезис и структура... С. 62-64; *его же.* Дополнения // ПВЛ. С. 608 (Примеч. 1 к стр. 440).

⁵⁰ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 346.

⁵¹ Ср.: *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. II. С. 85; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. III. С. 295.

⁵² См. например: *Лешков В.* Русский народ и государство. М., 1858. С. 225; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. Изд 3-е. С. 246; *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 136; *Пресняков А.Е.* Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 310.

⁵³ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 301.

⁵⁴ В. О. Ключевский ранее также считал, что слово «погост» происходит от «гостить» – «торговать» и понимал под погостами поселения, предназначенные для торговли: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987. С. 141; *его же.* Боярская дума Древней Руси // *Ключевский В.О.* О Государственности в России. М., 2003. С. 20. См. также: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 102. Последний отмечал также сакральное значение погостов, как «мест схождения для общественного богослужения», что и предопределило развитие в них торговли (Там же).

- ⁵⁶ *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. С. 251.
- ⁵⁷ *Зыкин А.А.* Феодальная государственность... С. 241.
- ⁵⁸ *Насонов А.Н.* Русская земля» и образование территории... С. 87-88.
- ⁵⁹ Там же. С. 53.
- ⁶⁰ *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 114.
- ⁶¹ *Платонова Н.И.* Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1988. С. 16.
- ⁶² *Юшков С.В.* Эволюция дани... С. 137.
- ⁶³ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 364-365.
- ⁶⁴ Там же. С. 365-367.
- ⁶⁵ О том, что реально представляло собой древнерусское общество того времени частью уже говорилось выше. Безусловно, в Киевской Руси XI–XIII вв. начались уже процессы феодализации, но они протекали очень медленно и для домонгольского периода мы не можем говорить о преобладании на Руси феодальных отношений. Основной ячейкой древнерусского общества была община и политическая организация общества строилась на общинных началах. На протяжении всего домонгольского периода община сохраняла еще свое единство, не смотря на имущественную и социальную дифференциацию ее членов. О древнерусском общественно-экономическом и политическом строе см: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории, *его же.* Киевская Русь: Главные черты...; *его же.* Древняя Русь. Опыт исследования...; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Данилова Л.В.* Сельская община средневековой Руси. М., 1994 и др. Основные процессы феодализации на Руси приходятся уже на послемонгольский период, о чем, на примере Новгорода, выше уже говорилось. Говорить о существовании на Руси развитого феодализма можно только применительно к периоду с конца XVI в. – времени ликвидации в центре страны *черной волости* – свободного общинного крестьянского землевладения (*Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 3), в то время как в советской историографии традиционно и ошибочно его наступление принято было датировать уже XI–XII вв. (см. например: *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А.П., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 165-166; *Абрамович Г.В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитый феодализм // *История СССР.* 1981. № 2. С. 77).
- ⁶⁶ Который, однако, также имеет предпосылки в дореволюционной историографии. Ср. мнение К.А. Неволлина о погостах как об «отдельных географических и правительственных округах» (*Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // *Записки Русского географического общества.* Кн. VIII. 1853. С. 69-90). Но любопытно, что К.А. Неволлин понимал под погостами и центры таких округов, которые имели сакральную функцию центров общественного богослужения (Там же).
- ⁶⁷ *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма... С. 87.
- ⁶⁸ *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // *Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв.* / Отв. ред. И.И. Смирнов. М.-Л., 1960. С. 341-375.
- ⁶⁹ *Тимощук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990. С. 106; *его же.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 186-187.
- ⁷⁰ Ср.: *Тимощук Б.А.* Восточные славяне... С. 186-187.
- ⁷¹ *Воронин Н.Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня. Л., 1935. С. 24-27.
- ⁷² *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении... С. 342.
- ⁷³ Там же. С. 415.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы... С. 150-153.
- ⁷⁶ «Промежуточную позицию» Л.В. Черепнина «в споре Б.А. Романова с Н.Н. Ворониным» отметил и И.Я. Фроянов (см.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 216).
- ⁷⁷ Первоначально ученый придерживался взгляда Б.А. Романова (см.: *Фроянов И.Я.* Смерды в Киевской Руси // *Вестник Ленинградского государственного университета.* 1966. № 2. Вып. 1. С.

рия истории, языка и литературы. С. 72), однако, по мере изучения проблемы отошел от него и предложил собственный оригинальный взгляд на «погосты Ольги».

⁷⁸ Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 412.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 421. Ср.: Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 66.

⁸¹ Там же. С. 422-424.

⁸² Там же. С. 426-427. См. также: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты... С. 235-236.

⁸³ Хотя, нельзя исключать, что изначальное значение понятия *погост* могло быть именно таким. Однако, в таком случае, его следует существенно сдвинуть вниз – в праславянскую эпоху, так как слово *гость*, от которого вероятно происходит *погост*, является общеславянским (Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь... С. 112).

⁸⁴ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь... С. 191-192.

⁸⁵ Там же. С. 192. Там же см. указания соответствующих источников и литературы.

⁸⁶ А отнюдь не финно-угры, как думает, опираясь на «заведомо устаревшие мнения» (Свердлов М.Б. Домонгольская Русь... С. 191) И.Я. Фроянов (см.: Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 424. Примеч. 578; *его же*. Киевская Русь: Главные черты... С. 236. Примеч. 1, 2).

⁸⁷ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 64-81; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 34-42, 52-64.

⁸⁸ О ней см. в работах указанных в примечании 166. См. также: Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 82-100; Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 188-198.

⁸⁹ Археологические материалы фиксируют совместное проживание славян и финно-угров в ряде населенных пунктов, в частности, в самом Новгороде (см.: Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Вып. 2. С. 47-57). Славяне и финно-угры севера Восточной Европы неоднократно действовали совместно (составляя, по всей видимости, единое политическое объединение), что мы хорошо знаем из летописи: ПВЛ. С. 12, 13, 14, 16. Некоторые представители русского «всякого княжя» договора 944 г. носят финские имена, что свидетельствует о наличии финнов в составе политической элиты Древней Руси. Так, например, Ольгу представлял некий Искусеви, бывший, судя по имени, финном (Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX–XIV вв. // Историк-марксист. 1940. № 3. С. 40). Это все свидетельствует о наличии непосредственных активных контактах между славянами и финнами (См. также: Седов В.В. У истоков... С. 111-137).

⁹⁰ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь... С. 188. См. также: Свердлов М.Б. Генезис и структура... С. 63-64.

⁹¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти кн. М., 1988. Кн. I. С. 149.

⁹² Юшков С.В. Эволюция дани... С. 135. См. также: Юшков С.В. Очерки по истории феодализма... С. 87-88 и сл.; *его же*. Общественно-политический строй... С. 113-114.

⁹³ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси... С. 149.

⁹⁴ Зимин А.А. Феодальная государственность... С. 240-242.

⁹⁵ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск; М., 1995. С. 151; *его же*. Древняя Русь... С. 157.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Свердлов М.Б. Генезис и структура... С. 63-64.

⁹⁸ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь... С. 186.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 186-187.

¹⁰¹ Ср. слова ПВЛ: «радимичи... платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне (курсив мой. – М.Ж.)» (ПВЛ. С. 39).

¹⁰² Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 318; Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 157.

¹⁰³ «Племенными союзами» В.В. Пузанов традиционно именует восточнославянские этнополитические объединения типа летописных *древлян, вятичей, кривичей* и т.д.

¹⁰⁴ Пузанов В.В. Этапы становления и развития... С. 8-14; *его же*. Главные черты... С. 20-21; *его же*. Древнерусская государственность. С. 202-204.

¹⁰⁵ Бахрушин С.В. «Держава Рюриковичей» // Вестник древней истории. 1937. № 2. С. 93.

¹⁰⁶ ПЛ. С. 33.

¹⁰⁷ Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 78.

¹⁰⁸ ПВЛ. С. 54.

¹⁰⁹ Мы здесь не рассматриваем отдельно историю покорения Киевом каждой *славинии* и ликвидации ее независимости.

¹¹⁰ А не в результате деятельности Святослава, как полагает И.Я. Фроянов (*Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.* С. 505). Нам ничего не известно о какой-либо «устроительной» деятельности Святослава внутри Руси, равно как и о его борьбе с князьями отдельных *славиний*. Скорее, он в своей деятельности просто опирался на результаты проведенных его матерью централизаторских реформ, позволивших ему проводить немислимую прежде грандиозную внешнюю политику (*Мауродин В.В. Образование древнерусского государства.* С. 252). Можно говорить лишь о том, что он продолжал политику матери. С новой силой борьба за централизацию Киевской Руси и окончательное подавление самостоятельности отдельных *славиний* развернется при Владимире, со временем связана окончательная ликвидация их независимости.

¹¹¹ ПВЛ. С. 29. Ипатьевская летопись говорит несколько иначе: Ольга «старейшины же города ижьже» (ПСРЛ. Т. II. М., 2001. Стб. 48), то есть сожгла (если эта версия верна, то, по мнению И.Я. Фроянова речь тут идет о ритуальном сожжении: *Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования...* С. 80). Для нашей темы непринципиально, какой вариант первичен. В любом случае речь идет об устранении древлянских знати с политической сцены.

¹¹² *Мауродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Посв. 70-летию М.К. Каргера / Отв. ред. А.Н. Кирпичников и П.А. Раппопорт. Л., 1974; Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты... С. 89-105. Считать этот термин книжным конструктом, как это делают некоторые исследователи (см. например: *Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; ee же. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X–XIII вв. // ДГВЕ. 1987 г. М., 1989) нет достаточных оснований.**

¹¹³ *Королев А.С. Загадки...* С. 133.

¹¹⁴ *Якушкин П.И. Сочинения.* М., 1986. С. 114.

¹¹⁵ *Пузанов В.В. Главные черты...* С. 31.

¹¹⁶ Летопись пеэстрит указаниями на войны Киева с различными славянскими этнополитическими объединениями: ПВЛ. С. 11, 14, 21, 26-29, 31, 35, 38-39.